

УДК 821.161.1-31

**ОППОЗИЦИЯ СТОЛИЧНОЕ — ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ
В ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫХ ОЧЕРКАХ И. А. ГОНЧАРОВА
И Е. П. ГРЕБЕНКИ**

Артур Малиновский, канд. филол. наук, доц.,

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
malinovsky.artur@yandex.ua*

В статье сопоставляются два очерка Гребенки и Гончарова не только с точки зрения реализации в них сюжетной ситуации провинциала в столице, но и в аспекте формирования в русской и украинской прозе 1-й половины XIX века сверхтекста, или надтекста. В данном случае таковыми выступают столичный и провинциальный тексты в прозе «физиологической» направленности.

Ключевые слова: очерк, провинциал, петербургский, ментально-культурный, универсалия.

Одним из первых авторов, для которого образ провинциала в Петербурге имеет четкие жизнетворческие очертания, был Гребенка. В очерке «Петербургская сторона» представлен сказочно-мифологический ореол Петербурга, навеянный в юное сознание героя-повествователя бабушкой. Причем самое начало очерка выстраивается в традициях мемуарно-хроникального повествования, побуждающего нас, читателей, провести демаркационную линию между разными временными ракурсами восприятия Петербурга. («Учись, друг мой, — часто говаривала мне покойница бабушка, когда я был еще ребенком, — учись, вырастешь, да будешь умен, поедешь в Петербург на службу, станешь носить шитый мундир, заживешь в золотых палатах на самой Петербургской стороне, на самой Дворянской улице. Ты ведь дворянин»). Перед нами не просто мифологизированный, даже в некоторой степени лубочный, образ столицы, но и еще акцентированный, пусть и не столь явно, взгляд извне. Но не просто извне, а из иного национально-ментального пространства. Это взгляд инонациональный. По некоторым косвенным деталям можно догадываться, что это взгляд из Украины. Что касается петербургского текста и формирования представлений о нем, то именно инонациональная позиция повышает его валентность, дополняет и расширяет его образ. Эту имагологическую составляющую петербургского текста открывает Ю. Барабаш, солидаризируясь, а затем дополняя В. Топорова: «Петербургский текст» соз-

давался не только в самом Петербурге, одной из составляющих был «взгляд со стороны», взгляд не-петербуржца, и, следует отметить, не обязательно москвича, а наблюдателя инонационального» [1, с. 107].

На фантастический и шаблонный одновременно образ у Гребенки накладывается традиционно очерковый флер, привычная нравоописательная стилистика, позволяющие блоками, сегментно, градуально сказать читателю, что представляет собой такая околица столицы, как Петербургская сторона. Эта очерковость, нравоописательность не покидает нас до самого конца повествования. Причем непосредственно «петербургская» часть очерка дана под провинциальным модусом. Такой едва уловимый синтез двух текстопорождающих стихий обусловлен спецификой околицы столицы, являющейся редуцированным образным аналогом провинции. Более того, описание обустройства жизни на Петербургской стороне дается в категориях провинциального: «Петербургская сторона не лишена общей провинциальной заразы: сплетней — на Петербургской это болезнь эпидемическая», — пишет Гребенка. По сути перед нами лишь внешне петербургский текст, на самом же деле это пространное описание предвдвуряет те многочисленные описания сонных уездных городов, с которыми мы встретимся в литературе 2-й пол. XIX в. у Гончарова, Тургенева, Лескова, Салтыкова-Щедрин и др.

Очерк разбит на множество сегментов, освещающих глухую окраину Петербурга (вспомним в этой связи сходный статус Выборгской стороны) как пристанища чиновничьей семьи, оставшейся без кормильца, бедного чиновника-мечтателя, не сделавшего карьеру и видящего здесь некое подобие родного провинциального городка, ремесленников, обанкротившихся купцов и «уничтоженных аферами» аферистов. Жители окраины представляют собой собирательный образ «народонаселения», которое «движется, суетится, топчет грязь по улицам и переулкам или крашенные полы на домашних вечерах». В очерке отсутствует всякая динамика, перед нами статичное изображение устойчивой среды. Поэтому «темпорально-драматическая сторона рассказа» (Ж. Женетт) здесь вытесняется описательной стихией. Эта «созерцательная» позиция по-своему поэтична и позволяет довольно живописно, цветисто представить петербургскую действительность в ее низовом, гоголевском и шире — картинно-физиологическом варианте натуральной школы. Автора интересует прежде

всего сфера периферийно-маргинального, которое редуцируется в «коломенском», выборгском и других снижено-профанированных вариантах петербургского. В основе их — «микро-«тексты», в которых — истории утраченных надежд, не сложившихся судеб, карьер, которые не состоялись...» [1, с. 113].

В данном произведении, точнее, во второй его части, инонациональный ракурс, позиция стороннего наблюдателя практически нивелируется. Границы между провинциальным и столичным стираются на основе редуцирования пространства. Провинциальное «вмонтировано» в столичное и, наоборот, столичное сдвигается к провинциальному. Таким образом, восприятие Петербурга двоятся: это инонациональный, во многом экзотический, взгляд до встречи со столицей и скептически-солидаризировавшийся с петербургским углом зрения обитателя и объективного знатока столичной окраины.

Примерно в это же время русскими писателями создается целый ряд нравоописательных произведений о встрече двух сознаний, двух миров, их последующей консолидации либо же расхождении, поляризации. В 1847 г. (то есть через год после очерка Гребенки «Провинциал в столице») И. А. Гончаров пишет «Письма столичного друга провинциальному жениху», в которых, как видим, наша антитеза выступает в роли сигнатуры текста, определяет архитектонику и повышает его ментально-культурную валентность. Как и в предшествующих очерках, герои гончаровского фельетона не пересекают границу в буквальном смысле. Да и сам тип коллизии несколько иной. Полярные типы патриархального сознания, консервативного, архаичного, «вычитывающего» в бытии сакральные знаки, и светски ориентированного на кодексы европейского общезнания, «закрепляются» каждый за своей пространственной сферой. В мире «Писем...» это персонажи с готовым, сложившимся давно мировосприятием. И хотя А. Чельский предпринимает попытку приобщить своего друга к «великой науке уменья жить», сам в результате попадает под объектив авторской иронии. Речь идет не только о статичности, неизменности их мироощущений, но и об относительности границ между односторонними позициями. Поэтому ощущаемое здесь внутреннее движение, проявляющееся в учительной, наставнически-цивилизаторской стратегии просвещенного друга и преследующее целью осовременить обитателя глухой провинции, оказывается мнимым, иллюзорным, во многом

контroversивным. Ибо мощная стихия гончаровской иронии в финале «Писем...» свидетельствует о неразрешимости, открытости и незавершенности этого эпохального диалога.

Разумеется, гончаровские письма далеки от частной дружеской переписки, тем более от камерной интимной коммуникации близких людей, они приближаются скорее к своеобразным эстетическим универсалиям эпохи, знаковым словесно-художественным конструктам ментальности и культуры. В этом смысле в качестве жанровой параллели к ним напрашиваются «Письма к провинциалу» Блеза Паскаля, это своеобразное начало новой французской прозы, реанимирующее и актуализирующее традиции философско-теологического спора. Рождаются так называемые Провинциалии как специальный жанр, основным конструктом которого становится диалог. Заигрывание автора писем с мнимым оппонентом, поток задаваемых самому себе риторических вопросов, неоднократно примериваемая маска профана, простака, самоирония, — все это говорит в пользу определенного жанротворческого потенциала «Писем...».

Возвращаясь к мысли о моделировании ментально-культурных универсалий, хочется особо заострить внимание на способах и средствах их «внедрения» в художественный мир. Автор избирает моду как определенный код, иконографическую систему, адсорбирующий эстетические вкусы, ценности, эстетику престижности, этический кодекс эпохи. Именно мода как шифр позволяет в этом диалоге «прочитать» соотношенность ментальностей и попеременную смену «дискурсных формаций» (В. Тюпа), регистров мировоззрения. Опираясь на терминологию Тюпы, можно сказать, что А. Чельский представляет нормативно-ролевой тип, который «питается Он-ментальностью, означающей самоидентификацию индивида с некоторой ролевой заданностью». Этот тип характеризуется иерархичностью и моноцентричностью сознания. Его «Я» располагается между центром и краем, за которым начинается неприемлемая для этого менталитета маргинальность» [4, с. 46]. Именно таким образом смотрит Чельский на нарушения кодекса светского общежития, именно в таких категориях он оценивает быт провинциального захолустья своего друга. Отсюда менторский тон Чельского, настоятельно рекомендующего и даже требующего от друга (о чем говорит императивная стилистика его обращений) изменений в сторону изящного, эстетически утонченного. Парадоксально, что принадлежащий патриархальному миру

Василий Васильевич также соответствует своей роли и никак не хочет выходить за ее рамки. Однако, в отличие от друга-петербуржца, ему не свойственен тон императивности... Его профанность, старомодность особенно наглядна в сопоставлении с другими героями нраво-описательных очерков. Ошибки и промахи, незнание светской жизни сближают гончаровского обитателя захолустья с провинциалом у Гребенки. Пытаясь быть на равных со всеми представителями света, заботясь о своей репутации и тщательно подбирая туалет, провинциал то и дело попадает впросак: на званый вечер к знатоку и ценителю моды он надевает сюртук вместо фрака, а во время катанья с гор «произвел большой эффект: он был во фраке, в белом жилете, в белых перчатках, завитой, распомаженный!».

«Письма...» Гончарова, представляя собой диалог, а точнее, монологическую его форму, лишены на самом деле той динамики, внутренней трансформации, которую предполагает изменение границ между столичным и провинциальным, своим и чужим. Это статичная фиксация мироукладов и типов ментальностей.

Выводы. Рассмотренные очерки свидетельствуют о том, что в русской и украинской литературе 1-й пол. XIX в. вырабатываются во многом сходные художественные модели и пути реализации коллизии столичное — провинциальное. Авторские миры перекликаются между собой, образуя «цельно-единый» массив, именуемый петербургским текстом не только русской, но украинской литературы. Внутри этого массива создаются свои подтексты и микротексты, вмещающие в себя и мифопоэтические, и историсофские, и сатирические, и сугубо физиологические ракурсы освещения. Разумеется, вне поля нашего зрения остается колоссальное количество текстов, индивидуально-авторских миров, в которых данная проблематика получает разную акцентуацию: от представлений о Петербурге и провинции как об идеальном пространстве до подчеркнуто негативных, поданных зачастую в инфернально-мистическом ореоле минус-моделей этого пространства. Но в ходе исследования литературно-художественная типология этих моделей подразумевалась, и, безусловно, лишь с учетом всего их множества и разнообразия можно сформировать представление об общих местах и прецедентности украинско-русского петербургского текста, неповторимого, уникального, особенного в 1-й пол. XIX в. и преломляющегося в иных формах в позднейшем литературном процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барабаш Ю. Підтексти «Петербурзького тексту (-их; ів)» / Ю. Барабаш // Не відверну лица. Штрихи до літературної автобіографії. — К. : Темпора, 2013. — С. 105–120.
2. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / Гончаров И. А. — СПб. : Пушкинский Дом, 1997. — Т. 1. — С. 470–493.
3. Гребенка Е. П. Собрание сочинений : в 3 т. / Е. П. Гребенка. — К. : Наукова думка, 1981.
4. Тюпа В. И. Актуальность новой риторики для современной гуманитарной науки / В. И. Тюпа // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии: научно-методологические материалы. — СПб. : Книжный дом, 2007. — С. 9–73.

ОПОЗИЦІЯ СТОЛИЧНЕ — ПРОВІНЦІЙНЕ В ЕТОЛОГІЧНИХ НАРИСАХ І. О. ГОНЧАРОВА ТА Є. П. ГРЕБІНКИ

*Артур Малиновський, канд. філол. наук, доц.,
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова*

У статті зіставляються два нариси Є. П. Гребінки та І. О. Гончарова не тільки у зв'язку з реалізацією в них сюжетної ситуації провінціала в столиці, але й в аспекті формування в російській та українській прозі 1-ї половини XIX століття надтексту. В даному випадку це столичний й провінційний тексти в прозі «фізіологічної» спрямованості.

Ключові слова: нарис, провінціал, петербурзький, ментально-культурний, універсалія.

OPPOSITION IN THE PROVINCIAL METROPOLITAN CHARACTER STUDY SKETCHES GONCHAROV AND GREBYONKA'S

*Arthur Malinovsky, assist. prof., DrSc (Philology),
Odessa I. I. Mechnikov National University, Odessa, Ukraine*

Considered essays suggest that Russian and Ukrainian literature, 1st floor. Nineteenth century. produced many of the same feature model and the realization of metropolitan — provincial conflict. Copyright worlds in common with each other, forming a «whole- single «mass called Petersburg text not only Russian, but Ukrainian literature. Inside the array are its implications and microtexts, accommodates and mythopoetical and historiosophical and satirical, and purely physiological angles of illumination.

Of course, out of our sight is a tremendous amount of texts, individual copyright worlds in which this problematic get different accentuation : from ideas about Petersburg and the province as an ideal space to stressed -negative cast often infernal — mystical aura negative models of space.

But the study of literary and artistic typology of the model implies and, of course, only in the light of all of the plurality and diversity of representation can be formed on the common ground and the case of the Ukrainian- Russian Petersburg text, unique, unique, special in the 1st floor. Nineteenth century. and refracts in different forms in the later literary process.

Key words: *study sketches, provincial, Petersburg, mental-cultural, universal.*

REFERENCES

1. Barabash, Yu. (2013), Pidteksti «Peterburzkogo tekstu (-ih; IvNe vidvernu litsya. Shtrihi do lIteraturnoyi avtobiografii)» [Subtext of Petersburg text. Do not turn away fase. Touches a literary autobiography], Tempora, Kyiv, pp. 105–120 [in Ukrainian].
2. Goncharov, I. A. (1997), Poln. sobr. Soch. i pisem: v 20 t. [Complete works and letters in 20 V.], Pushkinskiy Dom, Sankt-Peterburh, Vol. 1, pp. 470–493 [in Russian].
3. Grebenka, E. P. (1981), Sobranye sochynenyi: V 3 t. [Complete works in 3 V.], Naukova dumka, Kyiv [in Ukrainian].
4. Tyupa, V. I. (2007), Aktualnost novoy ritoriki dlya sovremennoy gumanitarnoy nauki. Kommunikativnyie strategii kulturyi i gumanitarnyie tehnologii: nauchno-metodologichesknie materialyi [The relevans jf the new rhetoric of modern humanities. Communication strategies and human culture technology], Knizhnyiy dom, Sankt-Peterburh, pp. 9–73 [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 19 жовтня 2015 р.